

24 ЯНВ 1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

МИР ЛЮДЕЙ И МИР ВЕЩЕЙ

НЕ КУПИТЬ ЗА ДЕНЬГИ

Существуют квартиры, которые удобнее и правильнее называть домом. И потому, что здесь всегда много людей, детей, голосов, забот. И потому, что все приспособлено только для одного — жизни. Не демонстрации стиля, мебели, редких картин или экзотических коллекций.

Именно в такой дом и пришла я, чтобы вести живущего здесь человека с читателями, которые на страницах газеты спорят о взаимоотношениях людей и вещей. А обмолвиться словом об укладе этого дома позволила себе по вполне простительной причине: ведь хозяин его — Виктор Сергеевич Розов, и, будем откровенны, всегда приятно, когда обнаруживаешь гармонию между тем, ЧТО исповедует человек и КАК живет сам.

ИМЯ Розова давно ассоциируется у нас с определенным кругом понятий. Мы еще только радовались после долгих послевоенных лишений, что в магазинах начали появляться красивые вещи, на продуктовых прилавках — деликатесы, железные кровати и колченогие столы стали непреклонно вытесняться полированными изысканствами, а сами мы — покидать все на свете пережившие с нами коммуналки ради изолированных «клеточек рая». Однако долгожданные счастливые перемены принесли с собой и нечто новое, некую опасность, еще полностью не осознанную, не сформулированную, но мгновенно уловленную, как принято говорить в таких случаях, чутким нервом художника.

И тогда промчался по сценкам страны мальчик с отцовской саблей, круша сверкающие столы и серванты. Не потому, что были они в чем-то виноваты или не нравились ему. Но оплаченные ценою компромиссов и ценою уступок пошлости, добытые с боем, внесенные в дом и тщательно укутанные от царапин, положили они начало стремительным разрушениям в некогда дружной семье. И зашаталась сама основа ее: взаимопонимание, доброты, уступчивость, любовь друг к другу, бескорыстие.

С тех пор образ мальчика, подобно Дон Кихоту, идущего с саблей на сервант, станет символом проблемы, которую много позже обозначат словом «вещизм». А создатель пьесы «В поисках радости» драматург Виктор Розов останется для нас художником, одним из первых в пронзительно острой форме предупредившим

об опасности, а потому весьма авторитетным арбитром темы «Люди и вещи».

К Виктору Сергеевичу и обратились мы с просьбой рассудить наших читателей. Ведь в споре четко обозначились две различные линии. Одни письма утверждали, что суть проблемы переместилась из области морали в область экономики. Чуть ли не основными виновниками назывались Министерство легкой промышленности и прочие ведомства, не способные полностью удовлетворить современного потребителя. Другие — взывали к нравственным основам человека, всю сумму претензий предъявляли его внутренней культуре, совести, разуму, сотовали, что, увлекшись материальным, вскользь и редко вспоминаем о моральных категориях, о необходимости их укрепления.

...Иногда жизнь способна обставить собственную сцену столь замысловатыми декорациями, что с трудом верится в их реальность. Только начала я оговаривать с Виктором Сергеевичем тему предстоящей беседы, как он, посмотрев на часы, с досадливым жестом бросился к портативному приемнику.

— Совсем забыл! Меня же мой врач предупреждал — сегодня будут транслировать «В поисках радости».

Он нажал кнопку, и комната наполнилась голосами.

— Сперантова... — произнес Розов с трудно передаваемой интонацией: были в ней и теплота, и воспоминание, и грусть.

— Сколько же лет пьесе, Виктор Сергеевич?

— Сейчас посмотрим. — Розов достал с полки старый том и сам удивился: — Вы знаете, в следующем году исполнится тридцать.

Дальнейшая наша беседа проходила под аккомпанемент приглушенных стенной реплик героев.

А потом так удачно начавшаяся встреча, улы, стала разрушать камень за камнем продуманный мной заранее сценарий. Розов сказал:

— Сейчас я бы не стал писать эту пьесу. — ?!

Легко, наверное, понять и удивление мое, и разочарование. Признаюсь, симпатии мои всецело принадлежали только одной из сторон газетной дискуссии, и отношь не «экономической». Ну просто необходим мне был тот Розов, пьеса которого не оставляла сомнений, на чьей стороне должен оказаться он сам. И вдруг такой неожиданный поворот.

— Вы что же, Виктор Сергеевич, считаете тему устаревшей, болезнь излеченной?

— Какое там! Иногда даже грустно становится при виде тшеты наших писательских усилий. Ну, написал я пьесу, как вы говорите, «прокричал» об опасности. И что изменилось? Недавно один из театров возобновил постановку. Так на сцену теперь вносят стенку, и Олег на нее бросается с саблей: сервант — уже прошлое, не впечатляет. Нет, тема не устарела. Но она видоизменилась, обросла нюансами, претерпела ряд превращений. Не стал бы я сегодня Леночку с ее сервантом делать средоточием зла.

Предчувствуя, что теряю союзника, и уже догадываясь, о чем пойдет речь дальше, я предприняла отчаянную попытку перевести беседу в важное для меня русло. Целый монолог произнесла. Ну в самом деле, начала газета разговор с письмом о тех моральных уродствах, к которым приводит самонадеянное «умение жить», погоня за благами земными. А пошел он в какую сторону? Один возмущается людьми, существующими на нетрудовые доходы, и взывает: куда смотрит прокурор! Другой сетует на дефицит товаров. Третий толкует о том, что «когда материальное благополучие станет нормой для каждого, всякий «вещист» или «накопитель» будет выглядеть просто человеком с причудами».

Но ведь у человека всегда, при любых обстоятельствах есть право выбора. И кто, как не писатель Виктор Розов, не уставал напоминать об этом в самых разных своих пьесах и статьях. Сохранить достоинство, человеческие радости дружбы, нужности людям, открытий, искусства, творчества... Или пуститься в погоню за какими-то материальными благами, что есть у других, а тебе пока не доступны, под-

чинить ей всю жизнь и растерять на этом пути уважение, бескорыстные привязанности, возможность самовыражения в работе, творчестве, а порой и репутацию честного гражданина. Разве у этой проблемы решение «экономическое»? Ведь всегда найдется «нечто», имеющееся у кого-то другого и отсутствующее у тебя. И как последний, бесспорный аргумент позволяю себе даже иронию:

— Не считаете же вы, как некоторые, что если у нас будет «завались» всяких товаров, вопрос отпадет сам собой?..

— Да, считаю! — твердо ответил Розов.

— То, против чего я выступил в пьесе, — всего лишь обывательщина. Первая, так сказать, реакция на появившийся у нас достаток. Но прошло три десятка лет. И они показали, как разрослась проблема. Признаться, я сам не ожидал, что она выльется в столь острые формы. И станет такой «многоплановой». Я убежден, сегодня мы должны говорить и о недостатке товаров. И о людях, которым удается процветать на доходы от спекуляции, воровства, злоупотребления служебным положением. Очень меня тревожит еще одно обстоятельство, склонен даже считать его одним из главных.

Я получаю много откровенных писем от детей, подростков, молодежи. Часто в них горькая обида: на них смотрят свысока, обходят стороной сверстники, чьи родители имеют возможность одевать их в заморские диковинки, снабжать новейшими «системами» и «магами». И человек оценивается уже не по достоинствам, а по его «возможностям». Для таких детушек, как правило, и места под солнцем уже припасены предусмотрительными родителями. И пойдут они в жизнь, заботясь не о деле, не об общей пользе, а только о собственном благополучии... Видите, какими отроутками «вещизм» пробивается сегодня?

— Так что же, не стоит и предостерегать людей от опасности темной власти вещей, способной разьесть их души?

— Просто сегодня какая-то обывательница,

живота не жалеющая в погоне за трехметровыми сапогами, кажется мне отошедшей на второй план.

Я снова разразилась запальчивой тирадой. Слишком много болезненных историй собралось в моей журналистской копилке, доказывающих, какие уродливые формы может принимать «безобидная» обывательщина... И тут я вдруг услышала:

— Человек должен оставаться человеком!

Подметив некоторое торжество в моем взгляде, Виктор Сергеевич примирительно улынулся:

— Ну что говорить об очевидном, конечно же, это так, всегда и во все времена. Просто не хочется, чтобы на «духовных началах» спекулировали или призывали к разумному потреблению, вместо того чтобы обеспечить потребности. Сегодня, я считаю, правы те, кто обращает внимание на социальную сторону вопроса. Здесь корень зла.

А приемник голосом Сперантовой проникновенно убеждал невестку: «Да ведь никто же не предлагает продавать за эти блага и удобства свою душу... Человек может продать в себе нечто дорогое, что он уже никогда не купит ни за какие деньги. Свою доброту, отзывчивость, сердечность, даже талант...». Мы оба прислушивались...

Итак, выбранный нами арбитр от последнего и категоричного слова в споре отказался. Да и есть ли оно, это слово? Очевидно только, что сегодня переплелись чисто моральные проблемы с проблемами экономическими, социальными, даже правовыми. И важным стало не только напомнить каждому о его человеческом достоинстве, обязанном выстоять перед напором соблазнов. Но и подумать, как быстрее добиться, чтобы сегодняшние «соблазны» завтра стали всем доступными, прозаическими, повседневными реалиями. Ну что же, будем спорить дальше. Спорить и думать.

А потому приглашаем читателей продолжить разговор.

А. ГРАМОТКИНА.